

27 ОКТ 1960

ГРАЖДАНИН, ПАТРИОТ

В одном из прошлых номеров — № 20 от 8 октября — мы опубликовали отрывок из воспоминаний Всеволода Николаевича Аксенова о М. Н. Ермоловой. Сегодня мы познакомим вас с еще несколькими страницами этих записок: В. Н. Аксенов рассказывает о своих встречах с Александром Алексеевичем Остужевым.

С ИМЕНЕМ ОСТУЖЕВА связан большой период истории старейшего русского театра, период борьбы реалистического искусства против наносных влияний псевдоноваторов. Достигнув небывалых вершин актерского мастерства, он по праву завоевал всеобщее признание как лучший трагический актер нашего времени.

Обладая совершенно исключительным голосом, над развитием которого он систематически работал всю жизнь, необычайно сценичной внешностью, огромным темпераментом и редким трудолюбием, Остужев быстро выдвинулся в передовую шеренгу прославленных мастеров Дома Щепкина. Занятия пластикой, фехтованием, работа над жестами явились залогом необычайного успеха. Его голос слушался, как чудесная музыка, каждое движение на сцене могло служить натурой для ваятеля, его сценический темперамент сравнивали с пламенем, так близко совпадавшим с его настоящей фамилией.

О СТУЖЕВ — это театралный псевдоним, взятый из пьесы Сумбатова «Джентльмен». Первые годы на сцене Остужев выступал под своей настоящей фамилией — Пожаров, и из-за нее нередко приключались каверзные истории. Например, когда публика после спектакля вызывала артиста на аплодисменты неистовыми криками: «Пожаров!..», театральные пожарные спешно облачались в медные каски и раскручивали пожарные рукава, а ничего не подозревавшие зрители в страшной давке шаркались к выходу... То же происходило с актерами на репетициях. Остужев еще в юности плохо слышал, и режиссеру каждый раз приходилось

громко окликать его. На сцене поднималась такая суматоха, что репетиция срывалась... Вот тогда-то и уговорили молодого актера взять псевдоним.

Я ЗАСТАЛ ОСТУЖЕВА в полном расцвете его творческих и жизненных сил, в период его артистической зрелости. Мне кажется, что недостаток слуха, который во многом, разумеется, затруднял ему работу на сцене, с другой стороны, необычайно помог актеру творчески сосредоточиться — приучил его много и проникновенно читать и много, углубленно думать... Быть может, поэтому ему удавалось, как никому, передавать движенье мысли.

Одной из наиболее характерных черт Остужева была любознательность. Он постоянно бывал на премьерах, часто посещал оперу, слушал симфонические концерты, профессионально разбирался в живописи. Будучи подлинным патриотом Малого театра, он всегда с предельным вниманием относился к успехам других московских театров... Посмотрев в театре Мейерхольда «Ревизора» — спектакль, вызвавший бурю протестов среди актеров академических театров, Остужев, захлебываясь рассказывал об интереснейших находках режиссера и искренне сочувствовал артисту Старковскому, которому не хватало голоса на заключительный монолог Городничего. «Я хотел ему перебросить на сцену свою трижды луженую глотку!» — говорил он...

У Остужева, как и у многих художников, была одна не совсем обычная страсть: он посвящал свой досуг токарному станку, занимавшему большую часть его скромной квартирки в Козихинском переулке. Когда у кого-нибудь из актеров останавливались часы и ни один часовщик не мог привести их в порядок, Остужев их исправлял. Кропотливо и филигранно отделял он каждую безделушку: зажигалку собственной конструкции, шкатулку с потайными замочками, какой-нибудь необыкновенный будильник. А подчас целые ночи возился со своим охотничьим ружьем, так как был страстным, но исключительно невезучим охотником...

Искусство Остужева опиралось на великие художественные традиции Московского Малого театра. Получив театральное образование под руководством такого выдающегося педагога, как Ленский, впитав в плоть и кровь искусство Ермоловой, с которой он сыграл почти все свои лучшие роли, проведя юные годы на сцене под доброжелательным «присмотром» Южина, Остужев был по преимуществу актером романтического плана. В его репертуаре преобладали роли трагедийного театра Шекспира, Шиллера и Гюго. Но ему удавались и образы в психологических драмах, даже в бытовых комедиях Островского. Он с одинаковым блеском играл и Ромео, и Жадова, и Игоря из сумбатовского «Ночного тумана», находил совершенно различные краски для Хлестакова и Чацкого, для Бастрыкова из

«Воеводы» Островского и Освальда из ибсеновских «Приведений».

Оглушительный успех не мешал Остужеву всегда оставаться предельно скромным человеком. Когда в двадцатых годах труппа Малого театра хотела избрать его заслуженным артистом государственных театров (а прежде это звание присуждалось корпорацией артистов театра путем закрытого голосования с последующим утверждением в правительстве), он наотрез отвел свою кандидатуру, ссылаясь на то, что он еще слишком несовершенно мастер для такого почетного звания. Он стеснялся сниматься в кино, куда его без конца приглашали, и до ужаса боялся концертов. Вся жизнь Остужева, как и у М. Н. Ермоловой, проходила в театре, все заботы вращались вокруг его интересов, — даже перестав выступать, он ежедневно приходил в театр.

В ПЕРВЫЕ я встретился на сцене с Остужевым и впервые почувствовал на себе его огненный темперамент в «Без вины виноватых». Когда в нашей сцене (я играл Миловзорова) он обратился ко мне со словами: «Да вылезь ты из своего дурацкого амплуа хоть на минуточку!..», я ощутил такой невероятный страх, что мурашки зацарапали спину. И не будь я уверен в замечательном отношении к себе со стороны Александра Алексеевича, в тот момент, не взирая на всю соблазнительность гонорара (а играли мы тогда за крупную селедки), я все непременно удрал бы со сцены...

С того дня мне приходилось очень часто встречаться с Остужевым — и как его партнеру, и как актеру, игравшему роли с ним в очередь. И эти частые встречи в одних спектаклях или одних ролях невольно нас сближали, осветив мою юность согревающими лучами остужевской дружбы.

Отношение ко мне Остужева наполняло мое сердце чудесным теплом, и я ни разу не чувствовал с его стороны какой-нибудь недосказанности, хотя бы мимолетной неприязни, несмотря на то, что многие актеры его поколения не особенно жаловали игравших с ними «в очередь» исполнителей. Как партнер по спектаклю Остужев был неповторим. Это был подлинный друг, чем-то неуловимым и незаметным для зрителей всегда помогавший играть.

Играя с Остужевым в одном спектакле, я не мог не восторгаться его актерским мастерством. Это был очень правдивый и необыкновенно глубоко чувствующий актер. Недаром так высоко отзывался о нем такой непреклонный поборник сценической правды, как Е. Б. Вахтангов, хотя, казалось бы, весь артистический «тон» Остужева был далек от той интимной манеры игры, которая отличала в то время Первую студию МХТ.

(Окончание следует).